

УДК 821.161.1(09)-312.6

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДТЕКСТЫ НЕЗАКОНЧЕННОГО РОМАНА С.А.АУСЛЕНДЕРА «ВИДЕНИЯ ЖИЗНИ»

Наталья Андреевна Евсина

аспирант кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. postmaster@pspu.ac.ru

Статья посвящена изучению незаконченного романа С.А.Ауслендера «Видения жизни» (1919). Исследуются автобиографические аспекты произведения. Отмечается, что в его основе, как и в основе «Последнего спутника» (1913), лежат перипетии отношений, некогда связывавших Ауслендера с Н.И.Петровской. Осмысливая события своей жизни, относящиеся к середине 1910-х гг. и происходящие без участия Петровской, Ауслендер не только наделил главную героиню ее чертами, но и выстроил сюжет с учетом психологических ситуаций, отсылающих к его собственному «роману» с Петровской. Очевидные сюжетные параллели «Видений жизни» с судьбой автора позволяют рассматривать исследуемое произведение как автобиографический роман.

Ключевые слова: С.А.Ауслендер; «Видения жизни»; «Сибирская речь»; автобиографический роман; литературный прототип.

В современных научных представлениях о пореволюционном творчестве С.А.Ауслендера по-прежнему остается немало «белых пятен». Одно из них связано с романом «Видения жизни», печатавшимся в омской газете «Сибирская речь». Публикация продолжалась в течение полугодия – с 2 февраля (20 января) по 7 августа (24 июля) 1919 г. – и прервалась на VII главе второй части. В конце данной главы имелась помета: «продолжение следует». Продолжения не последовало. С тех пор, насколько нам известно, роман не переиздавался и никем специально не изучался.

«Видения жизни» охватывают период с 1913 по 1916 г. (канун Первой мировой войны – неудачные наступательные операции против немецкой армии на Западном фронте). В основе романа лежит жизненная история героя, обнаруживающая немало переключек с биографией автора. В данной статье исследуются автобиографические подтексты, позволяющие прочитать «Видения жизни» как автобиографический роман.

Автобиографическим принято считать такой тип романа, в котором факты индивидуальной авторской биографии специально отобраны, организованы, переработаны в соответствии с художественной задачей, а также дополнены авторским вымыслом. Под автобиографизмом по-

нимается «стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он появляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии» [Медарич 1998: 5]. Если автобиография ориентирована на внетекстовую действительность, ее автор, руководствуясь принципом достоверности, одновременно и создает текст, и является субъектом описания, то в автобиографическом произведении он пользуется своим правом на художественный вымысел, получает возможность посмотреть на себя со стороны, как на другого человека (объект описания здесь не равен субъекту описания).

«Видения жизни» – это, на наш взгляд, автобиографический роман, в котором автор принял попытку увидеть «со стороны» последнее десятилетие собственной жизни, прошедшее под знаком театра (женитьба на актрисе Н.А.Зноско-Боровской, выступление в новом для себя амплуа драматурга и т. п.). Цель наших наблюдений – выяснить, как факты индивидуальной авторской биографии превратились в «видения жизни» и что увидел писатель, оглядываясь назад из года 1919.

Поскольку роман остается сегодня труднодоступным, воспроизведем его фабулу. Сергей Павлович Аносов принимает участие в репети-

циях собственной пьесы и увлекается Ниной Георгиевной Ручьевой, актрисой, исполнявшей в ней главную роль. Чувства, возникшие между ними, помогают ей справиться с ролью и способствуют успеху спектакля. Запутавшись в своих отношениях с женой и любовницей, Аносов уходит от жены, расстается с любовницей. Путешествуя по Италии, он решает свести счеты и с самой жизнью – «потому что жить скучно». К новой жизни и к новой любви его возвращает начавшаяся мировая война.

Очевидно, что прототипом Аносова является сам Ауслендер. На автобиографический характер героя указывает имя: его, как и автора, зовут Сергей. Герой и автор совпадают по роду занятий. Сергей Павлович – начинающий драматург. В Москву герой приезжает для работы над постановкой своей первой пьесы и, судя по содержащимся в романе датам, это происходит осенью 1913 г.

В ноябре 1913 г. Ауслендер находился в столице, где в театре К.Н.Незлобина ставилась его пьеса «Ставка князя Матвея» (1913). И герой, и автор оказались триумфаторами. О триумфе Ауслендера в письме к Б.Садовскому сообщал В.Ходасевич: «Нынче прочел в газете, что Ауслендер написал пьесу, которая идет у Незлобина. Завидно очень: во-первых – монеты, а во-вторых – станет слюнтяй знаменит, как Сидорова коза» [Ходасевич 1996: 341]. В комментариях к современному изданию писем В.Ходасевича приводятся свидетельства популярности Ауслендера, начинающего драматурга. Например, указывается, что в газете «Утро России» (29 ноября 1913 г.) фото автора пьесы «Ставка князя Матвея» было помещено рядом с фотографиями композитора М.А.Балакирева и героя пробега на велосипеде вокруг света О.П.Панкратова [см.: там же: 393–394]. «Ставка князя Матвея» шла также в Петербурге в Русском драматическом театре. Премьера состоялась 24 февраля 1914 г. М.А.Кузмин писал об этом: «Знакомых много. Наши, Эпштейны, Гумилев и т. д. Успех был, но и шикали» [Кузмин 2005: 434]. Отзывы о спектакле были разными, в том числе и неодобрительными. Вспомним, что Сергей Павлович тоже читает неодобрительный фельетон, «ругательный, совершенно неприличного тона, где он называется бездарной выскочкой» [Ауслендер 1919. № 69: 2].

Связи Ауслендера с театром поддерживались М.А.Кузминым, имевшим, как известно, большое влияние на племянника, а также женой – актрисой Н.А.Зносско-Боровской¹. Брак Ауслендера с Н.А.Зносско-Боровской не был долгим. Жена изменила ему, одни считали, что с

Ю.Юркуном, другие полагали, что с А.Я.Таировым². Ауслендер простить жену не смог; их брачный союз распался.

Выстраивая сюжет романа вокруг адюльтера, писатель шел вслед за «текстом жизни». Как в жизни, так и в романе разрыв отношений между супругами произошел в 1916 г. Как в жизни, так и в романе они некоторое время состояли в переписке, которую в жизни прервал Ауслендер, в романе – Анна: «Она писала, что все окончательно решила, больше они никогда не будут вместе, даже лучше не видеться вовсе» [Ауслендер 1919. №158: 3]. После семейной ссоры Анна, как и Н.А.Зносско-Боровская, уехала за границу. В романе герои встретились еще раз, чтобы затем расстаться навсегда. В жизни подобной встречи не было: уехав в Румынию, Н.А.Зносско-Боровская в Россию так и не вернулась³.

Нетрудно заметить, что семейная драма Ауслендера была заметно переосмыслена им: супруга Аносова не актриса, своему мужу она не изменяла, напротив, он оказался неверным ей. Положив в основу произведения любовный треугольник, Ауслендер лишил своего героя роли обманутого мужа, выпавшей на долю его самого. Однако очевидно и другое. По-новому расставляя акценты в семейном конфликте, писатель оставался в поле притяжения до боли знакомых жизненных коллизий, делая источником развития действия супружескую неверность.

Жену Ауслендера Н.А.Зносско-Боровскую можно рассматривать в качестве одного из прототипов Нины Георгиевны Ручьевой на том основании, что обе они актрисы, не отличавшиеся постоянством чувств. Однако более очевидным представляется сходство Ручьевой с другой женщиной, также сыгравшей в судьбе Ауслендера весьма заметную роль, – с Ниной Ивановной Петровской.

Известно, что отношения Брюсова и Петровской, в которые в разное время «вмешивались» А.Белый и Ауслендер, нашли многочисленные отражения как в мемуарной, так и в художественной литературе (В.Брюсов «Огненный ангел», В.Ходасевич «Конец Ренаты», А.Белый «“Орфей”», изводящий из ада). Участие в знаменитом любовном треугольнике, двумя другими героями которого были В.Брюсов и Петровская, стало для Ауслендера событием, на протяжении ряда лет питавшим его художественные интуиции. Дань ему Ауслендер отдал сначала в романе «Последний спутник» (1913) и в пьесе «Хрупкая чаша» (1916), затем – в романе «Видения жизни». Судя по тому, как часто он возвращался к данной теме, Петровская и связанная с ней жизненная история оставили в его сердце глубокий след.

Ауслендер познакомился с Петровской в 1906 г., когда начал печататься в «Весах», «Золотом руне», «Аполлоне». Вспоминая первое впечатление, произведенное на нее Ауслендером, Петровская писала: «Помню эстетизирующего новеллиста-петербуржца С.Ауслендера, свалившегося однажды в Москву, как лягушка в чужое болото. В оливковой суконной рубашке до пят, без пояса с белым воротником “à la Робеспьер”, с локоном, свисающим до кончика носа» [Петровская 1992: 76]. Они сблизились в Петербурге осенью 1907 г. По мнению В.Ходасевича, инициатива сближения принадлежала Петровской, мучительно переживавшей охлаждение к себе Брюсова: «Вдруг приехала Нина Петровская, гонимая из Москвы неладом с Брюсовым и минутной угарной любовью к одному молодому петербургскому беллетристу, которого “стилизованные” рассказы тогда были в моде» [Ходасевич 1995: 60]. «Роман» с Ауслендером, который, согласно прогнозам Петровской, должен был закончиться «через два дня», растянулся на два года. Его памятным событием стала их совместная заграничная поездка 1908 г. Они посетили Варшаву, Вену, Венецию, Лидо, Флоренцию, Неаполь, Рим; побывали в гостях у А.М.Горького на Капри⁴. Во время итальянского путешествия между Ауслендером и Петровской произошел разрыв, они расстались едва ли не врагами и навсегда.

О том, как оценивала Ауслендера и свои отношения с ним сама Петровская, свидетельствуют ее письма к Брюсову 1904–1913 гг. и воспоминания 1920-х гг. В письме к Брюсову от 25 сентября 1907 г. она так описывала начало своих отношений с Ауслендером: «А потом, только не “в золотой час” (в Петербурге ужасная погода), а в серый, пришел Ауслендер. <...> Смотрел он нежно, говорил, что очень меня любит, что меня в Петербурге считают близкой, целовал руку, но все это не было ни пошло, ни грубо, а как-то хорошо и чисто в глубине» [Брюсов, Петровская 2004: 237].

Петровская стремилась убедить Брюсова, что никаких серьезных чувств к своему молодому избраннику никогда не питала, что «невинная, скромная и тихая нежность» Ауслендера претила ей: «Это красиво, но очень безжизненно, все в белых цветах, без оттенков, без ярких красок, и вид у него такой, что он сейчас умрет» [там же: 240]. Она объясняла свое стремление поддерживать отношения с Ауслендером опасениями наскучить Брюсову: «Если около меня никогда никого не будет и я стану совсем рабой, как твоя жена, ты меня так же и разлюбишь от этого сонного спокойствия» [там же: 238]. Она уверяла

Брюсова, что своей фатальной привязанности к нему от Ауслендера не скрывала: «Когда я сказала, что люблю тебя и буду любить всегда, он побледнел, а глаза у него стали большие и в слезах» [там же: 241]. Она сетовала на то, что вынуждена постоянно опекать молодого человека, признавалась, что ей «надоело с ним возиться» [там же: 280], играть несвойственную ей «роль педагога»: «От этого чувствую себя очень взрослой и почти ответственной. Моя ли это роль?» [там же: 291].

Показательны признания Петровской в том, что к душе «мало нужного» ей мальчика найден уже не «ключ, а целая связка ключей» [там же: 266], что «он шутка, забава, игрушка с навеки испорченным механизмом» [там же: 270]. «Около него я узнаю новое, точно читаю какую-то неприятную, но в то же время интересную книгу, точно знакомлюсь с неведомым мне музыкальным инструментом, на котором, впрочем, никогда не буду играть, если захочется музыки. Ибо эта музыка не для меня» [там же: 265]. Согласно ее представлениям, это он «цеплялся» за нее «подетски, упорно, настойчиво» [там же: 297].

Характеризуя переписку Брюсова и Петровской, исследователи отмечали, что она «заключала в себе не только интимно-личное, но и в определенном смысле литературное содержание» [Лавров 2004: 7]. Д.М.Магомедова подчеркивала, что «в основе “внебытовой” переписки, стоящей на границе между художественными и документальными жанрами, обязательно наличие не только информативной составляющей, но и мифопоэтического “метасюжета”, который формируется участниками эпистолярного диалога» [Магомедова 2009: 781]. Используя эпистолярное наследие Петровской для реконструкции реальных событий, следует иметь в виду и отмеченную Д.М.Магомедовой мифопоэтическую составляющую, которая в отношении Ауслендера, как кажется, проступает весьма отчетливо⁶.

О том, как воспринимал Петровскую Ауслендер в 1919 г., позволяет судить образ главной героини «Видений жизни» – Ручьевой. Как и Петровскую, Ручьеву зовут Нина⁵. О прототипе заставляет вспомнить внешность Нины Георгиевны. А.Белый в облике Петровской выделял «огромные карие, грустные, удивительные» глаза, «бледное, зеленоватое лицо», которое от пудры казалось маской, «огромные, чувственно вспученные губы», «густые широкие брови» [Белый 1990: 307–308]. В портрете Ручьевой акцентируются те же приметы: «черные изогнутые кверху брови», «неподвижные огромные глаза под густыми синими ресницами», яркие губы [Ауслендер 1919. №30: 3].

Сходным оказывается внутренний облик героини и ее прототипа. Обе стремятся превратить свою жизнь в «литературу». В.Ходасевич в очерке «Конец Ренаты» (1928) замечал, что Петровская «искуснее и решительнее других» создала «поэму из своей жизни»: «Жизнь Нины была лирической импровизацией, в которой, лишь применяясь к таким же импровизациям других персонажей, она старалась создать нечто целостное» [Ходасевич 1996: 20, 28]. Он подчеркивал, что Петровская «сжилась» с образом брюсовской Ренаты из «Огненного ангела» и, перейдя в католичество, приняла это имя. По мнению В.Ходасевича, «Нина Петровская (и не она одна) из символизма восприняла только его *декадентство* (здесь и далее курсив мой. – Н.Е.)» [там же: 22]. Вспомним, что после встречи с Ручьевой в Петербурге Сергею Павловичу кажется, что все ее «*декадентские* московские выдумки забыты» [Ауслендер 1919. №80: 3].

Ручьева – актриса не только на сцене, но и за ее пределами. Автор обращает внимание на ее неподвижные глаза и голос, «искусственно звонкий» [там же], «искусственно ломающийся, как на сцене» [там же. №99: 5] даже в те моменты, когда она произносит страстные и нежные слова, адресованные Аносову. Она и в жизни играет роль роковой красавицы, облаченной в черные шелка, произносящей монологи, более подходящие для театральных подмостков: «Нет, нет, ты не сможешь забыть меня. Никогда. Я знаю, я знаю, теперь навсегда будешь помнить этот день, этот час, где бы не был, что бы не делал, ты не уедешь от меня» [Ауслендер 1919. №52: 3]. Для Ручьевой жизнь – спектакль, отсюда и присущее ей восприятие повседневности в категориях театра: «Эта зима была каким-то сплошным клубком невозможных событий, когда-нибудь я вам расскажу. Это тема не для одной пьесы» [там же. №80: 3].

Ручьева, как и Петровская, имела неограниченную власть над своим избранником: «Он касался шелестящего шелка ее платья, он обнимал ее и понимал только одно, что вся неопределенная тяжесть, все сомнения, все колебания уползают, сжигаемые пламенем яростным и новым» [там же. №93: 3]. Узнав о приезде Ручьевой вместе с театральной труппой в Петербург, Сергей Павлович чувствует, что его охватывает «то, московское, призрачное, немного страшное своей неопределенностью, смутное и влекущее» [там же. №75: 3]. Ручьева, как и Петровская, то тянулась к своему возлюбленному, то почти не замечала его, отменяла встречи, разговаривала с ним как с малознакомым человеком. Подобно Петровской, Ручьева оставалась для Аносова нераз-

гаданной тайной, заставляя его признаться: «Может быть, лгали эти губы, ведь он никогда не знал, что она думает, чувствует, да и не спрашивал» [там же. №105: 5].

В «Видениях жизни» взаимоотношения Ауслендера и Петровской прямо проецируются на отношения Аносова и Ручьевой. Не случайно герой именуется в романе «мальчиком», «пажом» – так, как называла Ауслендера Петровская. Например, в письмах к Брюсову она замечала: «С мальчиком живем сейчас мирно. Ах, эта странная история! Такая бесплотная, что я ее понять не могу» [Брюсов, Петровская 2004: 276]. «Этот мальчик даже не “ласковая донна”, а просто дорожный спутник» [там же: 292]. «Он ведь не захочет быть *бледным пажом* нашей любви. Не захочет...» [там же: 241]. Как Ауслендер с Петровской, Аносов знакомится с Ручьевой в Москве. Герой одет в «*зеленоватую дорожную курточку с отложным воротником*» [Ауслендер 1919. №24: 3], заставляющую вспомнить ту «*оливковую* суконную *рубашку*» «с белым *воротником “a la Робеспьер”*», в которой Петровская впервые увидела Ауслендера. Ауслендер посвятил Петровской один из своих рассказов («Корабельщики, или Трогательная повесть о Феличе и Анжелике», 1907), Аносов специально для Ручьевой написал пьесу, «веселую, несколько фривольную комедию, где было много сцен причудливо жизненных, страстных и драматических» [там же. №129: 3].

Идя вслед за «текстом жизни», романист нередко и отступал от него. Отступления касались прежде всего развязки отношений, связывавших Ручьеву и Аносова. Разрыв Ауслендера с Петровской был мучительным для обоих. Герои романа расстаются «без печали», ибо охладели друг к другу задолго до того, как окончательно разошлись. На это указывает, в частности, их последняя встреча в Италии, когда Ручьева «казалось, была всецело занята мыслями о Париже и дорожных заботах» [там же. №121: 5]. Она почти не интересовалась Сергеем Павловичем, рассказывала ему «о жизни в Вене, о своих успехах и блестящих предложениях кинематографических фирм, о планах будущего сезона, о предстоящей поездке в Париж» [там же: 5]. Потерял всякий интерес к Ручьевой и сам Аносов, разочаровавшийся не только в возлюбленной, но и в жизни.

Подчеркивая сходство Ручьевой с Петровской, следует иметь в виду и очевидное различие между ними. Петровская, несмотря на все свое жизнотворчество, страстями жила, героиня Ауслендера страсти изображала, Петровская умела любить, Ручьева этого дара была лишена, Петровская – фигура трагическая, романная судьба

Ручьевой сложилась вполне благополучно. Как личность Ручьева заметно проигрывала, например, Юлии Михайловне Агатовой («Последний спутник»), прототипом которой также являлась Петровская⁷. В «Видениях жизни» Ручьева – бездушная актриска, озабоченная лишь своими сценическими успехами.

Итальянское путешествие, ставшее важным моментом в судьбе героя, написано Ауслендером с опорой на личный опыт, полученный, однако, не только во время совместной поездки с Петровской. Заметим, что в Италию Сергей Павлович едет один и его путь пролегает через Берлин. Этим маршрутом Ауслендер с супругой ехал в апреле 1914 г. в свое последнее заграничное путешествие. С Петровской они добирались до Италии через Варшаву и Вену.

Памятной герою оказалась встреча с Венецией, где он, как ранее и сам автор, бесцельно бродил по улочкам, заходил в небольшие ресторанички и катался на гондолах. На Ауслендера Венеция произвела впечатление «тревожное, темное и тягостное» [Брюсов, Петровская 2004: 264]. Она казалась наполненной «мучительной» красотой, «мертвенной тяжестью», призрачностью [там же: 266]. Для него это место, где по «смертельно тихой» воде [там же: 260] плавают гондолы – «гроба» [там же: 264]. В письме к М.А.Кузмину Ауслендер замечал: «Венецию я оставил не без радости. Что-то ужасно беспокойное и давящее есть в этих узких переулках с домами, как гроба» [цит. по: там же: 271]. Аносов воспринимает Венецию сходным образом. Не случайно именно здесь герой впервые задумывается о самоубийстве, и эта мысль оказывается тем единственным, что приносит ему успокоение: «Такого радостного спокойствия и последней покорности никогда не приходилось ему испытывать, никогда» [Ауслендер 1919. №115: 5].

Иными были флорентийские впечатления и самого Ауслендера, и его героя. В письме к М.А.Кузмину Ауслендер подчеркивал: «Я думал, что только в старых книгах можно читать о таких нежных пристанищах, как Флоренция». «Можно жить и не метаться, как в Венеции» [цит. по: Брюсов, Петровская 2004: 271]. Во Флоренции мысли Аносова о смерти становятся более «ласковыми и утешительными» [Ауслендер 1919. №115: 6].

В романе нашли отражение впечатления от разных итальянских путешествий Ауслендера, в восприятии которого Италия ассоциировалась по преимуществу со смертью. Не случайно свой очерк, посвященный поездке на Капри, он назвал «Кукольное царство» – царство, «игрушечное», «ненастоящее», лишённое жизни – и закончил

его рассказом о том, как «вот с этой скалы прошлый сезон бросился русский»: «Бежал от “северных безумств”, но не вынес картонного благополучия игрушечного Рая» [Ауслендер 1908: 74]. Подобные чувства вызывала Италия и у Аносова, который лишь по случайности не осуществил здесь свою мечту о самоубийстве.

Итак, очевидные трансформации «текста жизни» в «текст искусства», выявленные в исследуемом произведении, позволяют прочесть его как автобиографический роман. В 1919 г., осмысливая события собственной жизни, относящиеся к середине 1910-х гг. и происходящие без участия Петровской, Ауслендер не только наделил главную героиню ее чертами, но и выстроил сюжет романа на основе психологических ситуаций, отсылающих к жизненным отношениям, некогда связывавшим его с Петровской. Отчетливо выраженное автобиографическое начало дает основание рассматривать «Видения жизни» в одном ряду с другими произведениями писателя 1910-х гг. («Последний спутник», «Хрупкая чаша»), художественная специфика которых также обусловлена автобиографизмом.

Примечания

¹ Надежда Александровна Зноско-Боровская (сценический псевдоним Зборовская), сестра Евгения Александровича Зноско-Боровского, известного шахматиста, литератора и критика. Свадьба Н.А.Зноско-Боровской и Ауслендера состоялась 22 августа 1910 г. в имении Ауслендера Парахино; шаферами были М.А.Кузмин, Е.А.Зноско-Боровский и Н.С.Гумилев [Кузмин 2011: 55].

² М.А.Кузмин считал, что Н.А.Зноско-Боровская изменила Ауслендеру с писателем Ю.Юркуном: «Первые вести принес мне В.А.Нагородский, видевший пальто Юр. в передней того дома на Звенигородской, где жила Зноска и какие-то его знакомые» [Кузмин 2011: 55]. Н.Н.Минакина, племянница Ауслендера, считала, что это был известный режиссер, но фамилию его не называла [Минакина 1998: 108]. Возможно, им являлся А.Я.Таиров. Г.Морев в комментариях к «Дневнику 1934 г.» М.А.Кузмина со ссылкой на А.Н.Толстого и О.Н.Гидельбрандт указывал: «“Ауслендер держала руку Таирова”, – отмечал А.Н.Толстой в дневнике в сентябре 1912 г., описывая встречу с Таировым в “Бродячей собаке” <...>. “У Надины (со слов Юры) был флирт с Таировым, и Надина обижалась, что Юр. недостаточно ценит ее, когда Таиров влюблен и ревнует”. (К.Г.)» [Морев 2011: 249].

³ Судя по воспоминаниям Н.Н.Минакиной, разрыв с мужем Надежда Александровна вос-

приняла тяжело, уехав за границу, мечтала вернуться на Родину [Минакина 1998: 108]. О последних годах жизни Надежды Александровны писал М.А.Кузмин. В частности, он замечал, что Зноско-Боровская в Румынии, замужем за богатым человеком, «но живет в глуши и впала в ханжество» [Кузмин 2011: 56]. Умерла Надежда Александровна в эмиграции, в Бухаресте.

⁴ О совместной заграничной поездке Ауслендера и Петровской имеется несколько свидетельств, принадлежащих их современникам. Так, Б.Садовской писал: «Нина Петровская с первого взгляда влюбилась в Ауслендера и решила увезти его в Италию» [цит. по: Брюсов, Петровская 2004: 252]. М.А.Кузмин 6 марта 1908 г. сделал следующую запись в своем дневнике: «Сережа, оказалось, как я и предполагал, уехал не один, а с Ниной. Бедный мальчик! Недаром ему не хотелось ехать» [Кузмин 2005: 24]. О визите Ауслендера и Петровской к А.М.Горькому писала М.Ф.Андреева. В приписке к письму А.М.Горького от 10 декабря 1910 г., адресованному А.В.Амфитеатрову, она замечала: «А.М. посылает Вам карикатуру – весьма, впрочем, похожую на портрет г. г. С.Ауслендера и Нины Петровской, сделанную М.С.Боткиной, когда те наносили визит *vill-e* Vlaesus три года тому назад <...> Теперь они с Н.Петровской чуть ли не в контрах, а тогда путешествовали вместе, ей было лет 40, а ему – 22–23 максимум...» [цит. по: Примочкина 2003: 341]. Н.Н.Примочкина, заметив, что женщины, современницы Петровской, «вообще не жаловали писательницу своею милостью», указывает, что согласно установленным сегодня данным «во время встречи с Горьким ей было 28–29 лет» [Примочкина 2003: 341].

⁵ На наш взгляд, называя свою героиню Ниной, автор имел в виду не только Нину Петровскую, но и миф о Нине, сформированный русской литературной традицией. По наблюдениям современного исследователя, «Нина этого мифа – роковая женщина, которая соединяет в себе рай и ад, небо и землю, ангела и демона, Мадонну и Содом, живет высокими, сжигающими ее страстями» [Пеньковский 2003: 583].

⁶ Обратим внимание на то, что в комментариях к «Дневнику 1908–1915 гг.» М.А.Кузмина в одном из замечаний, касающихся отношений Петровской и Ауслендера, подчеркивается: «Петровская подробно, вероятно, даже несколько преувеличивая, описала Брюсову свои разговоры с Ауслендером» [Богомолов, Шумихин 2005: 592].

⁷ Об автобиографической основе романа «Последний спутник» см.: [Грачева 2011: 292–298; Богомолов 2009: 145–146].

Список литературы

Ауслендер С.А. Видения жизни // Сибирская речь. 1919. № 24, 30, 52, 57, 63, 69, 75, 80, 93, 99, 105, 115, 121, 129, 135, 141, 152, 158, 164, 170.

Ауслендер С.А. Кукольное царство // Золотое руно. 1908. №6. С.70–74.

Богомолов Н.А. Сергей Ауслендер: стилизация или стиль // Лицо и стиль: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С.143–150.

Богомолов Н.А., Шумихин С.В. Комментарии // Кузмин М.А. Дневник 1908–1915. СПб.: Изд-во И.Лимбаха, 2005. С.573–789.

Брюсов В., Петровская Н. Переписка: 1904–1913 / вступ. статьи, подгот. текста и коммент. Н.А.Богомолова, А.В.Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 776 с.

Грачева А.М. «Милая старина» в беллетристической рамке. Проза Сергея Ауслендера 1905–1917 гг. // Грачева А.М. Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века: Портреты. Этюды. Разыскания. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2011. С.271–305.

Кузмин М.А. Дневник 1908–1915 гг. / подгот. текста и коммент. Н.А.Богомолова и С.В.Шумихина. СПб.: Изд-во И.Лимбаха, 2005. 864 с.

Кузмин М.А. Дневник 1934 г. / под ред. Г.Морева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во И.Лимбаха, 2011. 416 с.

Лавров А.В. Валерий Брюсов и Нина Петровская: биографическая канва к переписке // Брюсов В., Петровская Н. Переписка: 1904–1913 / вступ. статьи, подгот. текста и коммент. Н.А.Богомолова, А.В.Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С.5–41.

Магомедова Д.М. Переписка символистов как целостный текст и источник сюжета // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С.759–785.

Медарич М. Автобиография / автобиографизм // Автоинтерпретация: сб. ст. по рус. лит. XII–XX вв. / под ред. А.Муратова и Л.Иезуитовой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. С.5–32.

Минакина Н.Н. Воспоминания о Сергее Ауслендере и Михаиле Кузмине // Филологические науки. 1998. №5. С.104–113.

Морев Г. Комментарии // Кузмин М.А. Дневник 1934 г. СПб.: Изд-во И.Лимбаха, 2011. С.175–389.

Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. 2-е изд., испр. и доп. М.: Индик, 2003. 640 с.

Петровская Н.И. Воспоминания // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Вып.8. С.17–90.

Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 364 с.

Ходасевич В.Ф. Андрей Белый // Воспоминания об Андрее Белом. М.: Республика, 1995. С.53–73.

Ходасевич В.Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А.Садовскому. М., 1996. 464 с.

**AUTOBIOGRAPHIC SUBTEXTS OF THE UNFINISHED NOVEL
«THE VISIONS OF LIFE» BY SERGEY AUSLENDER**

Natalia A. Evsina

**Post-graduate Student of Contemporary Russian literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article is devoted to the unfinished novel «The visions of life» (1919) written by Sergey Auslender. Autobiographic aspects of the novel are studied. It is emphasized that the novel, as well as the novel «The last companion» (1913), is based on vicissitudes of the relationships once established between Auslender and N.I.Petrovskaia. Analyzing the events of his life that date back to the middle of the 1910-s and that took place without participation of Petrovskaia, Auslender did not only invest the heroine with her features, but also created the plot in accordance with psychological situations that refer to his «affair» with Petrovskaia. Obvious plot parallels between the «The visions of life» and the author's destiny allow to regard the novel as an autobiographic one.

Key words: Sergey Auslender; «The visions of life»; «Siberian word»; autobiographic novel; literary prototype.